

Глава 1

Мимо шли ноги и почему-то не останавливались. Сначала торопливо прочмокали по размокшей октябрьской грязи изящные лакированные ботиночки на скошенных каблучках и с длинным узким «клоунским» носиком, неся свою владелицу к домашним уютным хлопотам. Потом вальяжно и неслышно прошествовали четыре мохнатые лапы, с чувством высокомерного достоинства влекущие за собой пару растоптанных грязных сапог, в далеком прошлом именовавшихся женскими демисезонными сапожками. Еще одна четверка лап, на сей раз маленьких, бело-черных, промелькнула с надрывным мяуканьем в противоположном направлении, явно спасаясь от больших и мохнатых. Были и другие ноги, в ботинках и туфлях, в кроссовках и сапожках. В брюках, джинсах, колготках. Одни проходили далеко, другие совсем близко. Но не остановился никто. Никто почему-то не хотел в двенадцатом часу ночи стоять под морозящим ледяным дождем и пристально разглядывать грязь во дворе между металлическими коробками гаражей. Все хотели домой, к теплу, еде и остаткам телевизионных радостей. Да и этих «всех» было немного, основ-

ная масса обитателей жилого массива в центре Москвы давно уже вернулась домой.

Тело убитой женщины лежало на мокрой, покрытой жалкими клочками жухлой травы земле, отчаянно одинокое, никем не замеченное и никому не нужное. А ведь еще два часа назад это была живая женщина, веселая, остроумная, любимая друзьями и огромным числом людей, которым она помогала. Отчего-то так случилось, что именно сегодня никто не забеспокоился и не кинулся ее искать, не забил тревогу, не поднял на ноги милицию. Впрочем, ничего необычного в этом не было, ведь женщина эта жила одна и дома ее никто не ждал. А если кто и звонил настойчиво по ее домашнему телефону, то ничуть не удивлялся тому, что она не снимает трубку. Она никогда не отвечала на звонки во время работы. Работала она чаще всего дома, в экстренных случаях — и поздно вечером, и даже по ночам.

Правда, в последние два месяца в ее квартире жил молодой парень, приходившийся ей каким-то многоюродным племянником. Но и он не ждал и не искал свою родственницу. Ему было все равно. Он был пьян.

* * *

— В пятницу будем вас выписывать, — хмуро закончил беседу лечащий врач.

— И потом что? — глупо спросила Настя Каменская. — Сразу на работу?

— Что, не терпится? — впервые за все время на его лице проступило нечто похожее на усмешку.

— Да нет, я не в том смысле... — Настя смешалась и не сразу нашла нужные слова. — Про-

сто нога очень болит. И с палкой на работу ходить неудобно, а возить меня некому.

— Никто вас на работу и не пустит. Как минимум месяц нужен на реабилитацию. Будете понемногу ходить, увеличивая нагрузку. Ну и массаж, физиопроцедуры, это уж само собой. Я вам перед выпиской сделаю все назначения.

Она испытала одновременно облегчение и стыд. Как хорошо, что еще целый месяц можно не ходить на работу! И как стыдно и противно, что она этому радуется.

Однако перспектива скорой выписки ставила перед Настей почти неразрешимую проблему. Собственно, проблема как таковая существовала уже три недели, но, пока Настя лежала в госпитале, о ней можно было не думать. Дело в том, что три недели назад в Москву совершенно неожиданно нагрянули родственники из маленького провинциального городка — муж, жена и двое детей. Старшему ребенку, двенадцати лет от роду, требовалась срочная и сложная операция, которую могли успешно сделать только в столичной клинике. Обезумевшие от горя и страха супруги подхватили заболевшего сына, а заодно и пятилетнюю дочь, которую не с кем было оставить, и ринулись в Москву, рассчитывая на гостеприимство Настиных родителей. И надо же такому случиться, что Настины мать и отчим еще летом затеяли какой-то сверхсложный ремонт с целью превратить двухкомнатную квартиру в трехкомнатную. Мастера клялись и божились, что уложатся в два месяца, и доверчивые хозяева с легким сердцем переехали к друзьям, выразившим готовность предоставить им свою городскую квартиру, поскольку сами они все лето жи-

ли на даче. Однако наступил сентябрь, потом октябрь, а ремонт все продолжался. И если для Настиных родителей и их друзей такая ситуация выглядела всего лишь как временное неудобство, то для приехавших с больным ребенком родственников это оказалось сродни катастрофе. Платить за гостиницу они не могли. Стоит ли объяснять, что поселились они у Насти в однокомнатной квартире, в то время как ее муж Алексей временно вернулся в Жуковский к своим родителям. Случилось это тогда, когда сама Настя уже валялась в госпитале со сломанной ногой.

И вот теперь надо возвращаться... Куда? В крошечную «однушку», где и без нее не протолкнуться? Ехать к Лешке в Жуковский и сваливаться обузой на его стареньких больных родителей, которые сами нуждаются в уходе? Она ведь еле ходит, в час по чайной ложке, да и то с палкой. И потом, как она будет ездить из Жуковского в поликлинику на массажи и процедуры, которые зловеще пообещал ей доктор? Из дома и обратно можно доехать на такси, накладно, конечно, но их бюджет выдержит, если не каждый день. А из пригорода как добираться?

Вообще-то Настя Каменская не предполагала, что проблема обретет такую остроту. Когда родственники поселились в ее квартире, она была уверена, что после выписки будет жить с мужем именно в Жуковском, и перспектива поездок на электричке ее нисколько не пугала. Просто она не ожидала, что к моменту выхода из больницы почти не сможет ходить. Ей казалось, что пусть с палкой, пусть не быстро, но она сможет передвигаться без особых трудностей. Ан нет, сломанная нога упорно не желала выздоров-

ливать. Она болела так отчаянно, так неистово и самозабвенно, что врачи только диву давались. Уж чем только Настю не лечили, чего только не придумывали госпитальные хирурги, но упрямая нога не поддавалась. Ей даже советовали обратиться к каким-нибудь целителям или знахарям, может, помогут. Правда, советы эти исходили не от врачей, а от сочувствующих из числа больных и их родственников. Они наперебой рассказывали о невероятных исцелениях, приворотях, снятиях порчи и прочих чудесах, вызывавших у самой Насти стойкую недоверчивую неприязнь. Настя, закончившая в свое время физико-математическую школу и юридический факультет университета и проработавшая больше пятнадцати лет в уголовном розыске, получила жесткое атеистическое воспитание и верила только в традиционную медицину, да и то не безгранично, ибо понимала, что и медицина может далеко не все.

Да, с ногой надо что-то делать... Для решения возникшей проблемы было только два пути: либо искать жилье где-то в Москве, желательнее поближе к поликлинике, либо искать способ максимально быстро уменьшить нестерпимые боли, возникающие при ходьбе, чтобы получить возможность самостоятельно передвигаться, и тогда можно жить с Лешей в Жуковском. О том, чтобы снять квартиру, и речи нет, такие расходы они не потянут. Сейчас у них с мужем трудная в финансовом смысле полоса. Да и кто сдаст квартиру всего на месяц? Наищешься. А выпишут уже в пятницу, то есть через три дня.

Конечно, Настя была человеком разумным и понимала, что неразрешимых проблем нет, есть

неприятные решения. Можно жить в одной комнате с родителями больного мальчика и его пятилетней сестренкой. Можно одолжить денег и ездить из Жуковского и обратно на такси в течение месяца или столько, сколько будет нужно, пока нога не опомнится и не даст возможность более или менее нормально ходить. Можно попробовать все-таки найти квартиру, которую сдадут на короткий срок. Понятно, что это будет дорого, но опять же можно взять деньги в долг, хоть это и претит Насте и противоречит ее правилам. Одним словом, решения у проблемы были, надо только выбрать наименее неприятное.

В таких вот размышлениях и провела она время от утреннего обхода до пяти часов вечера, когда стали приходиться посетители. Сама она сегодня никого не ждала, Лешка приезжал вчера и теперь появится только в четверг, ему сложно выбираться каждый день из своего Подмосковья, да и работы у него выше головы. Мама собиралась прийти в среду, то есть завтра. Если только кто-то из ребят с работы заглянет, но это вряд ли, свободного времени у сыщиков немного, а она ведь не на смертном одре, чувствует себя почти прекрасно. Только вот ходить не может.

Первой, как обычно, в палате появилась тихая интеллигентная пенсионерка Изольда Валериановна, ежедневно навещающая свою двоюродную сестру — сотрудницу паспортно-визовой службы. Изольду любили все обитатели трехместной палаты, а также медсестры, санитарки и даже врачи. Вопрос о том, чем же она заслужила такое отношение, оставался открытым, по крайней мере для самой Насти, которая просто каждой клеточкой своего тела ощущала: вот откры-

лась дверь, вошла Изольда Валериановна, и вместе с ней в узкую длинную палату вошел праздник. И не было это связано ни с цветами, ни с конфетами, ни с прочими вкусностями, которые обычно стараются принести в больницу, ни с деньгами, небрежно или, наоборот, смущенно засовываемыми в карманы белых халатов медперсонала. Это не было связано ни с чем эдаким материальным, что можно было бы пощупать, понюхать, съесть или каким-то иным образом использовать в целях получения чисто физических радостей. Моложавая, аккуратно и недорого одетая Изольда Валериановна вся целиком состояла из улыбки, радости и любви к окружающим, и было все это богатство таким нежным, мягким и ненавязчивым, что сопротивляться его силе оказывалось невозможным. Во всяком случае, Настя Каменская чувствовала именно так.

Несмотря на то, что Изольда приходила все-таки к своей сестре, она ухитрялась разговаривать одновременно со всеми, а не только с больной родственницей. При этом настроение у троих обитателей палаты могло быть совершенно разным, от радостно-приподнятого до уныло-подавленного, однако же Изольде Валериановне каким-то совершенно непостижимым образом удавалось соответствовать душевному состоянию каждого.

Через полчаса после появления Изольда уже знала, с какой проблемой столкнулась Настя, хотя сама Настя вроде бы и не собиралась ни с кем свои дела обсуждать и тем более просить совета.

— Вы заметили, Настенька, какой у вас интересный перекося в рассуждениях? — оживленно улыбаясь, заметила Изольда.

— Какой перекося? — не поняла Настя.

— У вас есть тысяча и один вариант на тему того, как вам устроиться, чтобы переждать, пока вы сможете нормально передвигаться. И ни одного варианта по поводу того, как сделать так, чтобы нога побыстрее перестала болеть. А ведь корень проблемы именно в том, что нога сильно болит. Вы же, вместо того чтобы решать именно эту проблему, пытаетесь приспособиться к ней и покорно ждать, пока она сама как-нибудь решится. Вы полагаете, что это правильно?

Насте хватало ума, чтобы понимать, что это, конечно же, неправильно. Но как же ей лечить эту чертову ногу, если даже сами врачи пожимают плечами в недоумении и не понимают, отчего боли, несмотря на все принимаемые меры, так и не делаются слабее. Образование-то у нее хоть и высшее, но все-таки не медицинское.

— Почему бы вам не обратиться к чему-нибудь нетрадиционному? Надо пробовать разные методы, раз уж традиционная медицина вам не помогает.

— В бабок и привороты я не верю, — резко выпалила Настя, стараясь, чтобы на лице не проступила гримаса брезгливости.

Уж сколько этих «бабок», «потомственных колдуний» и «ясновидящих» она перевидала, занимаясь раскрытием преступлений, — не перечсть! И каждый раз вышеупомянутые персонажи появлялись в уголовных делах не в самом привлекательном виде. Будучи человеком здравым, Настя отдавала себе отчет, что, наверное, действительно существуют настоящие целители, но их очень немного, зато ловких мошенников и подражателей — видимо-невидимо, и в поле зре-

ния уголовного розыска попадают именно они, оттого и впечатление такое складывается, что все это — сплошная липа.

— Я тоже не верю, — согласно кивнула Изольда и снова улыбнулась. — Я верю только собственному опыту. Есть специалист, который мне помог. И некоторым моим знакомым тоже помог. Если хотите, могу дать телефон.

Обижать Изольду не хотелось, поэтому телефон Настя послушно записала, точно зная, что никогда по этому номеру не позвонит. Однако искрящаяся доброжелательностью пенсионерка на этом не успокоилась.

— Зачем же вы прячете бумажку? — проницательно удивилась она, глядя, как Настя засовывает листочек с номером телефона в тумбочку. — Вы хотите попробовать вылечиться или нет?

— Хочу, — покорно вздохнула Настя, понимая, что отвертеться теперь никак не удастся.

— Тогда звоните. Прямо сейчас и звоните, у вас же есть мобильный телефон. Если никто не подойдет к телефону, включится автоответчик. Скажите, что вам нужна консультация, и оставьте свой телефон, Галина Васильевна вам обязательно перезвонит, она человек очень ответственный и никогда не оставляет людей без помощи.

Ладно, может, все еще обойдется малой кровью и этой Галины Васильевны и впрямь не окажется дома, а уж потом Настя как-нибудь выкрутится. Какая-то вялая она стала за время пребывания в госпитале, совершенно утратила способность к активному сопротивлению, даже не может сказать «нет, спасибо, не нужно» милей-

шей Изольде Валериановне. Или дело не в Настиной слабости, а в силе самой Изольды?

Додумать до конца она не успела, потому что в трубке уже после второго гудка раздался мужской голос:

— Слушаю вас.

— Добрый вечер, — машинально произнесла Настя, — я могу поговорить с Галиной Васильев-ной?

— Простите, кто ее спрашивает и по какому вопросу?

Голос показался Насте смутно знакомым, но процесс распознавания тембра и интонаций отошел на второй план, заслоненный быстрым потоком соображений. Почему этот мужчина разговаривает как секретарь в приемной большого начальника? Это что, рабочий телефон? Вернее, телефон в офисе? Почему в офисе? У Галины Васильевны целительство поставлено на широкую ногу, как промышленное производство? Или она вообще где-то работает, а целительством занимается в свободное от основной службы время? Почему у нее секретарем работает мужчина? Мужчина-секретарь при женщине-начальнице — сочетание более чем странное, она же не министр и не депутат. Или все-таки депутат? Этого только не хватало!

— Я по поводу консультации, — пробормотала Настя, судорожно пытаясь скоординировать то, о чем она думала, с тем, что говорит.

— Консультация какого рода? — настырно продолжал допрашивать ее мужчина, с каждым словом все глубже пропихивая в ее сознание свой голос, почему-то знакомый.

— У меня после перелома сильные боли в но-

ге, и мне сказали, что Галина Васильевна могла бы мне помочь.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Каменская Анастасия Павловна. — Она уже не могла скрыть раздражения. Позвонила, чтобы сделать приятное очаровательной пенсионерке, а нарвалась на настоящий допрос. Да еще голос этот... Где же она его слышала?

— Аська, ты, что ли? А я слышу — голос вроде знакомый, но думал, что померещилось. Ты меня тоже не узнала, да?

Господи, Коля Селуянов! А он-то что там делает, в этой приемной у крутой начальницы? Неужели сменил розыскную работу на коммерческую зарплату?

— Коля? — недоверчиво переспросила она.

— Ну я, а кто же еще! Ты чего звонишь сюда?

— Так я же сказала — нога у меня болит. А ты что там делаешь?

— Работаю, — Селуянов вздохнул, но как-то странно. Как-то слишком выразительно.

— Это я поняла, — усмехнулась Настя. — Кем? Старшим помощником? Или начальником охраны?

— Да иди ты! — Коля внезапно рассердился. — Работаю я милиционером. Произвожу осмотр жилища потерпевшего.

Насте сразу перестало быть смешно.

— Кража? — коротко спросила она, на всякий случай понизив голос.

— Если бы. Убили твою Галину Васильевну.

Она бросила торопливый взгляд на Изольду, но та была увлечена разговором с сестрой и с другой соседкой по палате — молоденькой девушкой, дочкой какого-то министерского чи-

новника. Хотя Настя готова была голову дать на отсечение, что Изольда Валериановна внимательно слушает ее телефонные переговоры.

— Коль, ты говорить можешь или попозже созвонимся?

— Пока могу.

— Тогда я сейчас в коридор выйду. Подожди, ладно?

Легко сказать «сейчас выйду». А сделать? Телефон пришлось сунуть в карман штанов от спортивного костюма, потому что одной рукой справиться пока не получалось. Палка, как на зло, укатилась под кровать, и доставать ее пришлось, исполняя сложные акробатические этюды. Теперь одной рукой держим палку, другой опираемся на спинку кровати. Так, теперь несем осторожно хромоное тело в сторону двери, стараясь не попискивать от боли. Хорошо, что в коридоре нашлось свободное сидячее место прямо рядом с палатой.

— Але, — задыхаясь от произведенных усилий, произнесла она. — Коля, ты еще здесь?

— Да куда я денусь с подводной лодки, — безнадежно пошутил Селуянов. — Ну, рассказывай, кто такая Галина Васильевна и зачем ты ей звонишь.

— Я понятия не имею, кто она такая, мне ее телефон только что дали, сказали, что она может помочь с ногой. Целительница, что ли, или около того.

— А кто дал телефон?

— Тетка одна, пенсионерка. Родственница моей соседки по палате.

— Как зовут?

— Изольда Валериановна, фамилии не знаю. Хочешь с ней побеседовать?

— Может быть. Не сейчас. Потом решу.

Фразы стали короткими и безличными, и Настя поняла, что разговаривать Коле неудобно. Или начальство приехало, или еще какие обстоятельства возникли.

— Ты до сих пор в госпитале или уже дома?

— В госпитале.

— На мобильнике?

— Да.

— Я перезвоню, хорошо?

— Конечно.

Настя снова сунула телефон в карман и откинулась на мягкую дерматиновую спинку казенного диванчика. Возвращаться в палату ей не хотелось, ведь придется сказать Изольде о том, что ее знакомую целительницу убили. Расстроится, бедняжка... Впрочем, сказать все равно придется, избежать встречи с доброжелательной дамой Настя никак не сможет.

* * *

— Вы можете гарантировать, что ситуация будет развиваться именно так, как вы мне тут расписали?

Чуйков старался говорить насмешливо и выглядеть соответственно, но не был уверен, что у него получается то, что надо. Ему ужасно, почти до сердечной боли хотелось поверить этой загадочной красавице, ведь, если она не врет и не ошибается, его фирма одним махом решит множество финансовых проблем. А проблемы эти таковы, что приходится уже прикидывать, как

лучше потонуть, сразу или помучиться. О том, чтобы выплыть, и речи нет. Во всяком случае, не было, пока эта дамочка не появилась в кабинете генерального директора в первый раз около недели тому назад. Появилась и с места в карьер сделала предложение, настолько странное, что Чуйков сразу не сориентировался и попросил время, чтобы его обдумать. Она легко согласилась и сказала, что придет через неделю. И вот пришла. Но до чего хороша — глаз не оторвать! Явилась бы она не с деловым предложением, а с каким-нибудь... мягко говоря, интимным, он бы ни секунды не сомневался. Хотя жена регулярно советует ему почаще смотреться в зеркало, дабы не терять объективности в оценке собственной привлекательности, Чуйков упорно продолжал любые проявления интереса к своей особе со стороны женщин считать искренними. Да и в зеркале ничего такого особенно отталкивающего он не видел. Ну плешь. Ну пивное брюшко. Ну рост не самый, можно сказать, баскетбольный. Ну и что?

Однако вопрос (с нужной, как он надеялся, интонацией) Чуйков задал и теперь ждал ответа. А с ответом красавица отчего-то не спешила. То ли пыталась сформулировать его поточнее, то ли испытывала чуйковское терпение. Тем не менее смотрела серьезно и без улыбки.

— Я, господин Чуйков, гарантий дать не могу. Я рассчитываю на прогнозируемость поведения задействованных в комбинации людей. Но люди иногда совершают вовсе не такие поступки, каких мы от них ждем. Поэтому задуманное может получиться не в полном объеме или не получиться вовсе. Но вы-то что при этом теряе-

те? Ровно ничего. Зато, если все получится, вы приобретете все.

— Как это я ничего не теряю? — Чуйков попробовал взвиться, но и это получилось у него не слишком убедительно, ведь дамочка права, на все сто процентов права. Даже на двести. Что ему терять, коль все равно тонет? — А имя? А репутация? По-вашему, это ничего не стоит? Этим можно пожертвовать во имя сомнительной комбинации?

— Дорогой Игорь Васильевич, у вас были и имя, и репутация. И что, вам это помогло? У вас прекрасный офис с хорошей мебелью и вышколенный персонал, и внешне вы, похоже, в полном шоколаде, но вы-то сами прекрасно знаете, что творится с вашими финансами. Не сегодня-завтра вы пойдете ко дну. А может быть, уже идете. У вас ноги еще не мокрые? А мне кажется, вода уже по щиколотку стоит.

Чуйков против воли рассмеялся. У нее есть чувство юмора, у этой неизвестно откуда свалившейся на его голову красоточки. И если все получится, то, может быть... Как ее зовут? Она вроде говорила в прошлый раз... Ах да, Ксения. Без отчества и без фамилии. Так можно ей верить или нет? Конечно, он ничего не теряет, вопросов нет. Но если она подослана кем-то? Если во всей предложенной ею комбинации есть какое-то второе дно? Дурак он распоследний, целую неделю попросил на размышления и за эту неделю так и не просчитал все варианты. С замами своими советовался, и вроде они даже к каким-то выводам пришли, но не окончательно, хотели еще раз собраться сегодня, чтобы принять окончательное решение. Почему сегодня? Почему не